

УДК 94(47) 046-048

«ГРЕЧЕСКАЯ» СВЕТСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ ПОСЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: ПОСОЛЬСТВА СОЛОВОГО ПРОТАСЬЕВА

© 2017 г.

Т.А. Опарина

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва

tao_tany@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

Исследуются судьбы шести иммигрантов, прибывших с Россией с первым русским посольством, побывавшим в Константинополе после Смутного времени. На основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала прослежены способы их адаптации к новым условиям. Все иностранцы стали в России военными. Однако один из них смог использовать свое знание русской и греческой письменности и перешел в Посольский приказ. В дипломатическом ведомстве он получил должность переводчика с греческого языка. Другие иммигранты воевали в составе подразделений Иноземского приказа, участвуя в подавлении казацких мятежей, обороняя Москву от войск польского принца Владислава, сражаясь, хотя и не совсем удачно, в битвах Смоленской войны. Еще один иммигрант оказался на южных границах России: сначала в Казани, затем – в Туле. На примере их биографий можно проследить роль «греческих» военных в русской армии, а также степень сплоченности и взаимопомощи внутри «греческого» землячества.

Ключевые слова: русско-греческие контакты, миграция из Османской империи и ее вассальных государств, биография иноземцев, Смутное время.

Окончание Смутного времени ознаменовало утверждение династии Романовых, которой предстояло искать потенциальных союзников на международной арене. Особая роль отводилась Османской империи. Первое посольство 1613 г., возглавляемое стрелецким головой Соловом Протасьевым и дьяком Михаилом Даниловым, было призвано известить Порту о восшествии Михаила Федоровича на русский престол. Выполнив свою миссию, дипломаты вернулись в Россию, чтобы сразу отправиться обратно. Правительство Михаила Федоровича рассчитывало на заключение антипольской коалиции с Османской империей [1–4].

Установление регулярных дипломатических контактов Москвы и Константинополя способствовало возобновлению миграции, прерванной Смутой [5]. «Греки», рассчитывающие перебраться под «высокую государеву руку», стремились воспользоваться присутствием в османской столице русских дипломатов. Соловой Протасьев доставил в Россию несколько человек. В первой поездке он привез «греченина» Анастаса Селунского [6]. Во второй – уже пять иммигрантов: Якова Петрова [7, л. 10; 8, л. 6; 9, л. 18; 10, л. 421], Кузьму Мустофина (Мустафина) [7, л. 10; 8, л. 6; 9, л. 18; 10, л. 421], Дмитрия Малафеева [9, л. 11], Константина Николаева (Миколаева) [9, л. 11], Ивана Жилина (Зюлова) [9, л. 11].

Документация об иностранцах, прибывавших в Россию в свите дипломатических миссий,

велась в Посольском приказе. Плохая сохранность источников этого периода не позволяет восстановить род деятельности и социальный статус доставленных Соловым Протасьевым иммигрантов. Дело об их выезде не дошло до настоящего времени, краткие сведения дают более поздние материалы. Из них известно, что «угренин Яков Петров вышел ис Турские земли ис полону» [9, л. 10]. Очевидно, венгерский воин, плененный османской армией в период войны с Габсбургами, смог обрести свободу, лишь присоединившись к русским дипломатам. Информация о происхождении остальных иммигрантов отсутствует, однако дары за выезд и за крещение, а также назначенные оклады свидетельствуют о довольно высоком ранге иностранцев.

В дипломатическом ведомстве иммигрантов вознаградили за принятие русского подданства. Традиционно власти подходили дифференцированно к начислению выплат. Суммы формировались в зависимости от знатности («отчества») и занимаемой ранее должности («службы»). В Посольском приказе Анастасу Селунскому выдали 40 рублей, камку и тафту [6]; Дмитрию Малафееву – 30 рублей и камку [9, л. 11]; Константину Николаеву – 25 рублей и камку [9, л. 11]; Ивану Жилину – 20 рублей и тафту [9, л. 11]; Кузьме Мустофину – 15 рублей и камку [9, л. 11]; Якову Петрову – 10 рублей и тафту [9, л. 11]. Кроме того, всем им предназначалось «сукно доброе».

В дипломатическом ведомстве произошло и восстание выходцев. Анастасу Селунскому назначили поместно-денежный оклад в 500 четей и 30 рублей [6], Дмитрию Малафееву – 500 четей и 40 рублей [9, л. 11]; Костантину Николаеву – 400 четей и 30 рублей [9, л. 11]; Кузьме Мустофину 400 четей и 20 рублей [9, л. 11]; Ивану Жилину (Зюлову) – 300 четей и 25 рублей [9, л. 11]; Якову Петрову – 300 четей и 15 рублей [9, л. 11].

Обозначение этнической и конфессиональной принадлежности прибывших с послами иммигрантов разнилось в делопроизводственной документации. Наиболее вероятно, почти все из них являлись мусульманами первого или второго поколения, что порождало возможность применения разных терминов. Судя по отчеству Кузьмы Мустофина, его семья уже давно потеряла веру предков. «Угренин» Яков Петров, видимо, был обращен в ислам в османской неволе. Тем не менее в большинстве случаев первоначально все представители данной группы обозначались как «греченя» (т.е. изначально православными). Но впоследствии Яков Петров и Кузьма Мустофин все чаще именовались «турчанами» [10, л. 421], что неопровержимо свидетельствует о принадлежности их к исламу. Как следствие, после приезда духовные власти предписали принять в православие этих иммигрантов, мусульманское вероисповедание которых стало наиболее явным: «греченя Яков Петров и Кузьма Мустофин на Москве крестились в православную христианскую веру греческого закона» [7, л. 6; 8, л. 18].

Остальные иммигранты: Дмитрий Малафеев, Константин Николаев (Миколаев), Иван Жилин (Зюлов) – при выезде не вызвали подозрений духовных властей и обозначались в документах как «греченя». Тем не менее вернувшийся в 1619 г. из польского плена патриарх Филарет Никитич усмотрел нарушения у двух из них. После организованного предстоятелем собора 1620 г. начались проверки чистоты веры иммигрантов, включая «греческих» [11], в ходе которых были раскрыты отступления Дмитрия Малафеева [12, л. 132–133] и Ивана Жилина [13, л. 484–485], которых было решено крестить повторно. Через пять лет Дмитрия Малафеева признали мусульманином. Показательны характеристики, данные ему в разное время. Если при выезде в 1615 г. документы именовали Дмитрия Малафеева «греченином», то в 1620 г. «греченином бусурманом» [12, л. 132]. Были выявлены прегрешения и Ивана Жилина, но в чем они заключались и каковы были причины нового его обращения в 1622 г., источники не сохранили. Анастас Селунский и Константин Николаев обозначались исключительно как «гречени»:

они воспринимались православными и чистота их веры не подвергалась сомнению.

Судьбы иммигрантов, привезенных Соловом Протасьевым, в России сложились по-разному. Первоначально объединил их на новой родине род службы. Иного места, помимо Иноземского приказа, выходцам найдено не было: «И отосланы в Панской приказ, и велено службою ведати в Панском приказе» [14, л. 370]. Все иностранцы были направлены в военное ведомство, в котором на тот момент не существовало специального «греческого» подразделения. Они попали в смешанные роты, куда входили иммигранты из Речи Посполитой и Османской империи и ее вассальных государств.

Один из иностранцев – «греченин» Анастас Селунский быстро освоил на военной службе русскую письменность. В Иноземском приказе он, вероятно, выполнял более роль канцеляриста, чем ратника. Грамотный и родовитый иностранец, имевший обширные родственные связи в Османской империи, пользовался авторитетом как у сослуживцев, так и у начальства. Анастас Селунский часто исполнял роль «поручика» (человека, ручавшегося за другого иностранца). Затем он был выбран земляками в число «окладчиков» (людей, рекомендовавших властям поместные и денежные оклады новым выходцам). В 1627 г. Анастасу Селунскому удалось перейти в Посольский приказ, где он занял должность одного из ведущих переводчиков с греческого языка. «Греченин» дожил до 1634 г., активно помогая «греческой» миграции. Переводчик скончался после возвращения из трудного посольства в Константинополь [6].

Остальные выходцы, привезенные посольством Солового Протасьева, несли исключительно боевую службу. На их долю выпала участь подавления казацких восстаний и противостояние походу польского принца Владислава. В июне 1617 г. «греченин» Иван Жилин был награжден за взятого в войске противника «литовского» пленника [15, л. 413 об.]. В декабре 1620 г. он находился в Москве, где, как отмечалось, принял повторное крещение [13, л. 484–485]. Что стало с ним в дальнейшем, неизвестно. Далее информация о Дмитрии Малафееве отсутствует. Непроясненной остается и деятельность Константина Николаева, имя которого после выезда не упоминается в источниках.

Возможно, Дмитрия Малафеева и Константина Николаева постигла судьба другого иммигранта – Якова Петрова. В 1616/17 г. он был направлен в Казань. В этот период по решению властей большая группа из Иноземского приказа была переселена в понизовые города. Среди них были «немцы», привезенные в Россию

Джоном Мериком в том же 1615 г. Английский посол безуспешно пытался предотвратить такой исход событий и спасти от опасной службы на южной границе единоверцев [16]. Но тринадцать человек попали на далекую окраину [16].

Наряду с «немецкими» военными специалистами высылке подверглись «литовско-польские» отряды, в которые входили и «греки». «Литву» представлял Василий Зелинский, «греков» – Яков Петров: «Посланы с Москвы в Казань на житье литвы верстаных 15 человек: Васька Зелинской да новокрещен Якушко Петров с товарищи, а неверстаных 38 человек. А велено им в Казани служить с иноземцы вместе и государево жалованье давати. А неверстаных поверстать и держати к ним ласка и привет. И государево б жалованье было им беспереводно, и бесчестья б им и обид не было» [17, л. 194].

По царскому указу Яков Петров на пятнадцать лет оказался в Казани: «В прошлом де во 125-м (1616/17) году послан в Казань на корм, а не за опалу, выезжей новокрещен турчанин Якушко Петров з женою. И с тех де мест и по ся мест государевы службы служит в Казани» [17, л. 193]. За это время многие его сослуживцы-земляки сумели добиться возвращения в столицу: «А иные де иноземцы, гречаня и волошаня, которые с ним вместе посланы в Казань, и те многие ис Казани взяты к Москве» [17, л. 193]. Они проявили деятельную заботу о Якове Петрове и завидное упорство. Несмотря на то что иностранец являлся «угренином», именованным при этом «турченином новокрещеном» и причислявшимся нередко к «литве», он остро ощущал свою принадлежность к «греческой» общине.

За время пребывания в Казани Якова Петрова структура Иноземского приказа подверглась изменениям. В 1630 г. в ней появилась особая «греческая» рота [18], куда вошли приехавшие одновременно с ним иммигранты, а также сослуживцы по Казани. В 1632 г. «греческую» роту возглавлял Николай Шабанов, который выступил основным поручителем. Иноземцы – «гречаня и турчаня, и волошаня ротмистр Микулай Шабанов со всею ротою» сумели организовать написание коллективной челобитной, стремясь вызволить Якова Петрова. Объединенными усилиями было составлено прошение, направленное руководству Разрядного приказа. Оно содержало просьбу «иноземца Якушка Петрова ис Казани взяти к Москве служить с нами вместе» [17, л. 191]. Рота в полном составе готова была поручиться [17, л. 192].

«Греки» вызволили Якова Петрова. Для него все закончилось благополучно. Якова Петрова с семьей забрали из Казани в Москву. Из Разряд-

ного приказа он был вновь направлен в Иноземский, где фиксировался как «турченин». Но после семнадцати лет службы его признали неверстаным. Поденный корм составил лишь 8 денег на день, через три месяца его увеличили на 4 деньги. Однако служба в Казани сменилась иным назначением. Якова Петрова теперь назначили в Тулу [19, л. 657]. Венгр, прошедший через османский плен, в России пребывал почти исключительно на южных границах: сначала в Казани, затем на Туле.

В отличие от Якова Петрова, Дмитрий Малафеев и Кузьма Мустофин сумели удержаться в Москве, где продолжали нести службу в Иноземском приказе. Иностранцы должны были принимать участие в многочисленных сражениях завершающего этапа Смуты. Известно, что Кузьма Мустофин оборонял Москву в 1618 г. от войск польского принца Владислава [20, с. 77, 162, 303; 21, л. 358]. В 1630 г. при формировании «греческой» роты Дмитрий Малафеев и Кузьма Мустофин вошли в нее, причем к этому времени их уже относили к категории «старых иноземцев».

Очевидно, их вклад в сражениях был столь успешен, что руководство Иноземского приказа стало наделять иностранцев поместьями, опустевшими в период Смуты. Дмитрий Малафеев был помещен в Белозерском уезде, затем получил имение в Пошехонском уезде. В документации Иноземского приказа в 1625 и 1630 г. он называется «белозерским помещиком» [22, л. 74; 23, л. 222], в 1631 г. – «пошехонским» [21, л. 360 об.], в 1632 г. – вновь «белозерским» [19, л. 62 об.]. За это время незначительно менялся его поместно-денежный оклад. Как отмечалось, при выезде Дмитрию Малафееву в Посольском приказе был определен оклад в 500 четей и 40 рублей. Очевидно, в Иноземском приказе он был пересмотрен. В военном ведомстве денежный оклад понизили до 30 рублей. На протяжении 1625–1631 гг. оклад Дмитрия Малафеева составлял 500 четей и 30 рублей [22, л. 74; 21, л. 360 об.]. К 1632 г. иностранец был награжден за неизвестные сейчас заслуги. Оклад повысили до 550 четей и 33 рублей [19, л. 62 об.]. Правительство готовилось к новой войне – Смоленской. Иностранцам военным выдавались деньги на покупку снаряжения. В 1631 г. Дмитрию Малафееву, отнесенному ко второй категории, назначили «по указной статье против розбору» 20 рублей [19, л. 62 об.]. Следует отметить, что длительное пребывание в польско-литовском подразделении привело к тесным контактам с выходцами из Речи Посполитой. Именно они готовы были поручиться за «грека» в 1631 г. [19, л. 62 об.]. Но уже на следующий год ситуа-

ция кардинально изменилась. Дмитрий Малафеев освоился в только что созданной «греческой» роте. В 1632 г., при получении следующих 20 рублей, подписи за Дмитрия Малафеева поставили уже «греки нового выезда» [24, л. 133].

Кузьма Мустофин, напротив, многого добился за годы военной службы. Он сумел сделать стремительный рывок сразу после выезда. К 1617/18 г. Кузьма Мустофин уже стал поручиком в «литовской» роте Николая Любомирского [20, с. 162]. Должность и военные заслуги позволили «турченину» резко увеличить поместьем-денежный оклад. Если при выезде в 1615 г. Кузьме Мустофину назначили оклад в 400 четей и 20 рублей [14, л. 371], то спустя два года он имел уже 700 четей (денежный оклад неизвестен) [21, л. 358]. За участие в обороне Москвы от войск польского принца Владислава, где он «был в полках всю осаду до отходу», поручику Кузьме Мустофину повысили оклад на 100 четей: «128 году выпись, и в выписи оклад ему написан 800 чети» [21, л. 358]. Однако после пожара 1626 г., уничтожившего документацию Иноземского приказа, в окладных книгах появилась неточность. Оклад Кузьмы Мустофина записали как 750 четей. В 1630 г. отмечалось: «А по памяти ж из Пансково приказу за приписью диака Ивана Нестерова Кузьме Мустофину поместьем оклад 750 четей, денег 57 рублей да питья по 4 чарки вина, по 2 крушки меду, по 2 крушки пива на день» [14, л. 370–371; 23, л. 29]. Ситуация сохранялась до 1632 г., когда иностранец настоял на восстановлении справедливости. Его усилиями неточность была устранена и с этого времени его оклад составлял 800 четей и 57 рублей [21, л. 358; 19, л. 61 об].

Удачи на полях сражений способствовали упрочению материального положения. Кузьма Мустофин располагал поместьями в Вологодском уезде, часть которых в награду за отвагу в отражении штурма польских войск в 1618 г. была переведена в вотчину: «И во 127-м году по государеву указу за московское осадное сиденье королевичев приход под Москву дано ему государева жалованья из вологодцкого иво поместья в вотчину из ево окладу со 700 чети положил в вотчину» [21, л. 358]. Владения Кузьмы Мустофина находились в Пустораменской волости Вологодского уезда [20, с. 77]. Позже «турченин» обрел наделы в Новоторжском уезде [19, л. 61 об].

Успехи восемнадцатилетней службы не повлияли на дальнейшую карьеру. «Старые иноземцы» не справились с трудностями Смоленской войны. Ход военной кампании складывался неудачно для русской армии. «Греческая» рота под руководством Кузьмы Мустофина бы-

ла направлена под Дорогобуж. Первые победы и завоевание города с участием «греческих» военных сменились поражениями, тяготами и лишениями. В армии начался голод и сопутствующие ему болезни, что спровоцировало бегство с поля боя в поместья. Дезертирство распространилось и на иностранных военных: «немцев», «литву», «гречан». Последних насчитали 21 человек, спустя несколько месяцев список «нетей» – «гречан» достиг 26 человек. Среди провинившихся оказались Кузьма Мустофин и Дмитрий Малафеев [25, л. 38–42, 115–118, 149, 156]. Правительство предполагало вернуть беглецов на передовую самыми решительными мерами. Воеводам рассылались списки покинувших армию, предписывалось действовать со всей строгостью: «Велеть сыскать тотчас наскоро, а сыскав их, дать на крепкие поруки записями. А будет по ком поруки не будет, и их посылать к тебе к Москве скованных за пристава, а коих самих не сыщут, велеть взять жон их и дети. А у которых жон нет и дети, и у них велеть взять людеи их и крестьян и велеть вкинуть в тюрьму до государева указа» [25, л. 197]. Кузьму Мустафина начали искать в Вологодском уезде. Но выяснилось, что земельных наделов за ним здесь уже не числилось: «Имяна иноземцов, которые на Вологде и в вологодском уезде не сысканы: турчанин Кузьма Мустофин. По доездной памяти не сыскан. Поместья за ним и вотчины в Вологодском уезде нет» [25, л. 148]. Тогда поиски были перенесены на Новоторжской уезд, куда воеводе выслали специальное царское распоряжение: «От царя и великого князя Михала Федоровича в Торжок воиводе нашему князю Юрию Федоровичу Волконскому. Писал к нам ис-под Смоленска боярин наш и воиводы Михайло Борисович Шеин с товарищи: бежал с нашей службы испод Смоленска иноземец Миколаивы роты Мустофина новоторжской помещик турченин Кузьма Мустофин. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в Новоторжском уезде в Кузьминово поместье Мустофина послал ково пригож, и велел иво Кузьму вынуть и привести к себе в Торжок. А ис Торжка прислать иво к нам к Мосве с приставом же с какова на иво лашадех. А чтоб тому приставу, ково пошлешь, приказал накрепко, чтоб иво привез в Торжок. А как иво ис Торжка к нам к Москеве пошлешь, и ты б по тому, с кем иво пошлешь, потому ж приказал накрепко, чтоб он у нево з дороги не ушол. А будет иво Кузьму в поместье не сыщут, и ты б иво Кузьминово поместье и людеи иво и крестьян отписал на нас. А отписав то поместье, и в том поместье иво Кузьмины животы и рухледь и лошадеи и вся-

кую животину и хлеб стоячей и молоченой, велел переписать» [25, л. 407].

В конечном счете Дмитрий Малафеев был восстановлен на службе. После Смоленской войны он вновь находился в Иноземском приказе. В 1637 г. Дмитрий Малафеев числился в «греческой» роте с прежним окладом в 500 четьей и 33 рубля [26, л. 25об.]. Кузьма Мустофин в 1635 г. продавал часть своей вотчины в Новоторжском уезде [27, с. 347, 709].

Судьбы первых «греческих» иммигрантов, прибывших в Россию после Смуты в 1614 и 1615 г. с посольством Солового Протасьева, сложились во многом драматично. За исключением Анастаса Селунского, успешно трудившегося в Посольском приказе, на их долю выпала участь ликвидации последствий Смуты и восстановления порядка в стране. «Греченя» (именовавшиеся иногда и как «турченя») воевали с казацкими бунтовщиками, защищали Москву от войск Владислава, служили в Казани, однако не выдержали испытания Смоленской войны. В России иностранцам предстояло пройти непростой боевой путь, не случайно имена иммигрантов постепенно исчезают из источников к середине 30-х гг. XVII в. Но и сохранившиеся отрывочные сведения о жизни шести выходцев дают картину пребывания «греков» на второй родине, позволяют проследить разные стратегии их поведения, а также механизмы адаптации к новым условиям. Кроме того, они дают возможность реконструировать особенности конфессиональной политики властей по отношению к криптохристианам из Османской империи и ее вассальных государств.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, 12-21-14001.

Список литературы

1. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1946. Т. 1.

2. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Ч. 1.

3. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. М.: Наука, 1965. Т. 1. 367 с.

4. Лисейцев Д.В. Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // Отечественная история. № 5. 2002. С. 169–177.

5. Опарина Т.А. Миграция в Россию из Османской империи и ее вассальных государств в 10-е гг. XVII в. // Каптеревские чтения. Вып. 13. М., 2015. С. 83–88.

6. Опарина Т.А. Переводчик Посольского приказа Анастас Селунский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (66), декабрь. 2016. С. 66–84.

7. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1, 1624 год. № 3.

8. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1624 год. № 4.

9. РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1620 год. № 2.

10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 271.

11. Опарина Т.А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 288–325.

12. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 206.

13. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 207.

14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 43.

15. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 279.

16. Скобелкин О.В. Служилые иноземцы и деятельность Джона Мерики в России (1614–1617) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 43–56.

17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 62.

18. Скобелкин О.В. Служба иноземцев в Украинном Разряде в 20-х гг. XVII в. // Иноземцы в России XV–XVII: Материалы Международной конференции. М.: Древлехранилище, 2006. С. 70–75.

19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47.

20. Осадный список 1618 г. / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М. – Варшава: Древлехранилище. 2009. 683 с.

21. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45.

22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 19.

23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 855.

24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43.

25. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845.

26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49.

27. Записные Вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / Сост. А.А. Антонов, В. Берелович, В.Д. Назаров. М.: Древлехранилище, 2010. 1658 с.

«GREEK» SECULAR MIGRATION TO RUSSIA AFTER THE TIME OF TROUBLES: EMBASSIES OF SOLOVOY PROTAS'EV

T.A. Oparina

The article explores the fate of five immigrants, who arrived in Russia with the first Russian embassy that visited Constantinople after the Time of Troubles. Based on the sources that are for the first time introduced into scientific circulation, we trace how they adapted to the new conditions. All these foreigners entered Russian military service. However, one of them was able to use his knowledge of both the Russian and the Greek languages and was appointed a translator in the *Posolskiy prikaz*. Other immigrants served in the units of foreign servicemen and took part in the suppression of the Cossack uprisings, defended Moscow from the troops of the Polish Prince Vladislav, and fought in some battles of the Smolensk war, though not quite successfully. One more immigrant turned out on the southern borders of Russia: first in Kazan, then in Tula. These biographies help to trace the role of the «Greek» military in the Russian army, as well as the degree of cohesion and mutual assistance within the «Greek» community.

Keywords: Russian-Greek relations, migration from the Ottoman Empire and its vassal states, biography, foreigners in Russia, Time of Troubles.

References

1. Smirnov N.A. Rossiya i Turkiya v XVI– XVII vv. M.: Izd-vo MGU, 1946. T. 1.
2. Osmanskaya imperiya i strany Central'noj, Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy v XVII v. M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 1998. Ch. 1.
3. Istoricheskie svyazi narodov SSSR i Rumynii v XV – nachale XVIII v. M.: Nauka, 1965. T. 1. 367 s.
4. Lisejcev D.V. Russko-tureckie otnosheniya v nachale XVII veka: ot konfrontacii k sblizheniyu // Otechestvennaya istoriya. № 5. 2002. S. 169–177.
5. Oparina T.A. Migraciya v Rossiyu iz Osmanskoj imperii i ee vassal'nyh gosudarstv v 10-e gg. XVII v. // Kapterevskie chteniya. Vyp. 13. M., 2015. S. 83–88.
6. Oparina T.A. Perevodchik Posol'skogo prikaza Anastas Selunskij // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. № 4 (66), dekabr'. 2016. S. 66–84.
7. RGADA. F. 150. Op. 1, 1624 god. № 3.
8. RGADA. F. 150. Op. 1. 1624 god. № 4.
9. RGADA. F. 52. Op. 1. 1620 god. № 2.
10. RGADA. F. 210. Op. 13. Stb. 271.
11. Oparina T.A. «Ispravlenie very grekov» v russkoj cerkvi pervoj poloviny XVII v. // Rossiya i Hristianskij Vostok. Vyp. II–III. M., 2004. S. 288–325.
12. RGADA. F. 396. Op. 2. Kn. 206.
13. RGADA. F. 396. Op. 2. Kn. 207.
14. RGADA. F. 210. Op. 13. Stb. 43.
15. RGADA. F. 396. Op. 2. Kn. 279.
16. Skobelkin O.V. Sluzhilye inozemcy i deyatel'nost' Dzhona Merika v Rossii (1614–1617) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2007. T. 49. № 13. S. 43–56.
17. RGADA. F. 210. Op. 13. Stb. 62.
18. Skobelkin O.V. Sluzhba inozemcev v Ukrainnom Razryade v 20-h gg. XVII v. // Inozemcy v Rossii XV–XVII: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. M.: Drevlekhranilishche, 2006. S. 70–75.
19. RGADA. F. 210. Op. 6. Kn. 47.
20. Osadnyj spisok 1618 g. / Sost. Yu.V. Anhimyuk, A.P. Pavlov. M. – Varshava: Drevlekhranilishche. 2009. 683 s.
21. RGADA. F. 210. Op. 6. Kn. 45.
22. RGADA. F. 210. Op. 9. Stb. 19.
23. RGADA. F. 210. Op. 9. Stb. 855.
24. RGADA. F. 210. Op. 6. Kn. 43.
25. RGADA. F. 210. Op. 9. Stb. 845.
26. RGADA. F. 210. Op. 6. Kn. 49.
27. Zapisnye Votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg. / Sost. A.A. Antonov, V. Berelovich, V.D. Nazarov. M.: Drevlekhranilishche, 2010. 1658 s.